

ОБНОВЛЕНЧЕСТВО

До сих пор я не сказал ни одного слова об обновленчестве. Между тем, 1925-30 гг. — это разгар обновленческой деятельности в Питере. Питер — обновленческая колыбель, отсюда вышли все главные лидеры обновленцев, и все они не порывали связи с городом. Мало того. Питер — единственный город, в котором обновленчество имело глубокие корни и занимало довольно крепкие позиции.

В свое время я совместно с Вадимом Михайловичем Шавровым опубликовал в самиздате большую работу по истории обновленчества, а также свои воспоминания « Закат обновленчества », относящиеся к 1942-45 гг. Тем не менее об обновленчестве сказано далеко не все.

Кроме нашей с В.М. Шавровым работы, в СССР имеются два исследования, посвященные истории обновленчества : магистерская диссертация покойного архиепископа Сергия (Ларина) и книга казанского антирелигиозника А. Шишкина. К сожалению, обе они не выдерживают никакой, даже самой снисходительной, критики. Архиепископ Сергий поставил перед собою совершенно невыполнимую задачу: доказать, что Патриарх Тихон и все руководимое им духовенство с самого начала стояли на советских позициях. Поэтому история обновленчества под его пером представляет собой совершенно неразрешимую загадку. Какая-то группа духовных авантюристов, неведь откуда взявшаяся, вдруг добилась ареста Патриарха, почти всех архиереев, захватила в свои руки кормило церковного правления и произвела раскол церкви. Не приходится серьезно опровергать эти писания преосвященного, напоминающие сочинение четвероклассника, хотя собранный там документальный материал представляет интерес.

Никак не может претендовать на научность и « творение » Шишкина. Оно отличается всеми пороками вульгарной марксистской историографии: вместо живых людей здесь маски, вместо событий — схема. Для меня это произведение особенно любопытно именно потому, что я всех его героев хорошо знал лично. Прочтя книжку Шишкина, я ощутил в полной мере порочность этого метода, процветающего в России. Введенский, Антонин Грановский, Красницкий, Боярский, такие яркие и такие разные люди, вдруг поблекли, выцвели, стали удивительно похожими друг на друга. Все они — представители буржуазии, приспособляющейся к советской власти, и трудно понять, чем они отличаются друг от друга.

Однако хватит рассуждений — перейдем к воспоминаниям.

До 17 лет я был ярким врагом обновленчества: все церковные авторитеты, начиная от епископов, кончая Полей, утверждали, что обновленцы безблагодатные, еретики и хуже язычников. Я в этом был непоколебимо уверен, и тогда мне еще не приходило в голову, что в 18 лет я сам стану обновленцем. Хотя они и безблагодатные и еретики и хуже язычников, но запрещенный плод сладок : что греха таить, я иногда заглядывал в обновленческие храмы.

Что же я там видел ? Прежде всего должен сказать, что нет ничего более несправедливого, чем огульно считать всех обновленцев предателями, продавшимися, агентами ГПУ. Как правило, это были самые обыкновенные

русские священники, случайно попавшие в той сутолоке, которая тогда происходила в церкви, к обновленцам. Я помню, отец вместе со мной как-то зашел в церковь Великомученицы Екатерины, когда там уже были обновленцы; он разговорился со старичком диаконом, и диакон ему сказал: «Это все начальство между собой дерется, мы здесь не при чем».

Что правда, то правда. Большинство священников здесь были совершенно не при чем. Никаких реформ в то время в обновленчестве не было, и большинство священников пошло туда просто потому, что принадлежность к обновленчеству представляла собой своеобразный Habeas corpus act — гарантию от ареста.

В общем священнослужителей-обновленцев можно разделить на 4 группы : первая — самая многочисленная группа — те самые серые батюшки требоисправители, о которых шла речь выше. Вторая — прохвосты, присоединившиеся к обновленчеству в погоне за быстрой карьерой, спешившие воспользоваться « свободой нравов », дозволенной обновленцами. О них епископ Антонин сказал : « Ассенизационная бочка православной церкви». Почти все они были агентами ГПУ. Третья — идейные модернисты, искренно стремившиеся к обновлению церкви. Эти жили впроголодь, ютились в захудалых приходах, теснимые властями и своим духовным начальством и не признанные народом. Они почти все кончили в лагерях. Четвертая — идеологи обновленчества. Блестящие, талантливые, честолюбивые люди, выплывшие на гребне революционной волны. (Так сказать, церковные Бонапарты). Среди них многие (увы !), хотя и не все, также были связаны с ГПУ.

Но прежде чем писать о них, зайдем в обновленческий храм.

6 часов вечера. Суббота или канун праздника. Так же, как и во всех церквях, раздается колокольный звон. На паперти, однако, почти не видно нищих : нет смысла сюда идти, здесь народа мало. Входим в храм. Охватывает тягостное чувство. Огромное, холодное помещение. И пустое. Десятка два прихожан сиротливо жмутся к алтарю. На паникадилах всего несколько свечей. И на этом унылом фоне странно выглядят яркие облачения, митра на голове священника, протодиакон в камлавке. Уж очень щедро было обновленческое начальство на награды.

Другая картина там, где служили корифеи, знаменитые проповедники: Введенский, Боярский, Платонов. Здесь храм переполнен народом, и в основном дамы в шляпах, девушки, интеллигенты профессорского вида, студенческая молодежь...

Присмотримся и мы к корифеям.

В противоположность православной (староцерковной) епархии, находившейся до весны 1928 г. в состоянии разброда, обновленческая ленинградская епархия имела строго централизованное управление. Во главе епархии с 1925 г. стоял высокопреосвященный Вениамин, митрополит Ленинградской и Северо-Западной области. (В миру Василий Антонович Муратовский). Старый архиерей, он был рукоположен 25 октября 1897 г. в соборе Александро-Невской лавры, ровно через шесть дней после того, как в том же самом храме был рукоположен во епископа тридцатидвухлетний архимандрит Тихон (будущий Патриарх).

Отличительной чертой митрополита Вениамина (Муратовского), которому в 1925 г. было 72 года, являлась (на всех этапах его долгой жизни) почти

детская безмятежность, а между тем жизнь его отнюдь не была тихой и спокойной.

Родившись в семье священника в городе Казани, Василий Муратовский по окончании семинарии пошел по стезям своих предков и стал священником одного из казанских храмов.

Однако вскоре умерла его жена, оставив у него на руках четырехлетнего сына. В судьбе несчастного вдовца принял участие архиепископ Казанский Палладий (Раев), сам незадолго перед этим овдовевший. Он порекомендовал ему поступить в Казанскую Духовную Академию, обеспечив стипендию, достаточную, чтоб прокормить сына. В это же время началась его дружба с другим (впоследствии знаменитым) земляком : Александром Васильевичем Вадковским, будущим прославленным митрополитом Петербургским Антонием, одной из самых светлых личностей в истории русской церкви, к большому для нас всех несчастью умершим в 1912 г. (до русской смуты).

Еще в Казани завязывается своеобразная дружба трех вдовцов: архиепископа Палладия, профессора А. В. Вадковского (вскоре также принявшего монашество) и священника о. Василия Муратовского, вскоре постриженного в монахи с именем Вениамин. Впоследствии постоянно, и в проповедях, и в частных беседах, (несмотря на свою староцерковность я вскоре был представлен старцу — « наш пострел везде поспел »), митрополит возвращался к этим друзьям своей молодости и всегда говорил о них в тоне самого глубокого уважения.

Но вот происходит неожиданная перемена: казанцы делают блестящую карьеру. Антоний Вадковский становится ректором Петербургской Духовной Академии в сане епископа Выборгского и всея Финляндии, а архиепископ Палладий (после смерти митрополита Исидора в 1892 г.) становится митрополитом Санкт-Петербургским и Ладожским, первенствующим членом Святейшего Синода. Еще 2 года — и в Петербург перебирается третий, самый молодой из друзей, — архимандрит Вениамин Муратовский. Он получает назначение настоятелем Иоанно-Богословского Черемнецкого монастыря под городом Лугой. В 1897 г. он был рукоположен во епископа Ямбургского, викария Петербургской епархии. Эту должность он сохранил и при митрополите Антонии (преемнике митрополита Палладия), а в 1908 г. был возведен в сан архиепископа и назначен на Симбирскую кафедру, в цветущий, тихий, дворянский город, известный тогда лишь своими чудесными видами на Волгу и прославившийся через десять лет на весь мир своим знаменитым уроженцем.

Но тогда жизнь там проходила тихо и мирно. Архиепископ Вениамин недаром был учеником митрополитов Палладия и Антония. С митрополитом Палладием его соединяла любовь к церковному благолепию. Владыка любил пышные богослужения (одних облачений у него было 19), а под влиянием митрополита Антония владыка усвоил тот дух мягкого гуманизма и либерализма, который не вычитывается из книг, а является плодом доброго сердца.

И этот-то тихий, мирный человек попал в самый центр революционного водоворота. И сюда, в тихую волжскую заводь, пришла гражданская война. Архиепископ уехал с отступавшей Колчаковской армией. Доехал до Урала. Попал в руки красных. И тут начинается кошмар. То его сажали, то выпускали, то опять сажали и грозили расстрелом. Наконец Патриарх Тихон назначил его в

1920 г. на Рязанскую кафедру, и здесь его застала церковная смута. Мягкий и уступчивый, владыка признал живоцерковное Высшее Церковное Управление. Затем, после выхода из заключения Патриарха Тихона, тотчас перешел к Патриарху. Однако вновь был арестован. Тучков имел с ним «дружеский» разговор, после которого архиепископ был освобожден, вновь признал обновленчество, вошел в обновленческий синод и получил громкий титул митрополита Ленинградского.

В то время, когда я впервые увидел владыку, он был Председателем Священного Синода, т. е. юридическим главой обновленческой церкви. Постоянно он курсировал между Питером и Москвой, очень часто совершал торжественные богослужения в соборах. Ни для кого, однако, не было секретом, что никакого влияния он не имеет. К нему у церковных людей было смешанное чувство уважения и жалости. Первое впечатление — ожившая картина : окладистая, белая, как у деда Мороза, борода, белые, пушистые кудри до плеч, белая, с розоватым отливом, мантия, белый клубук.

До 1925 г. он жил в лавре, в традиционных митрополичьих покоях. Осенью 1925 г. выселили, переехал на Васильевский. Поселился на 9-ой линии, в небольшой частной квартирке. Старая, подслеповатая женщина ему прислуживала. И под пышным облачением, под величественной внешностью, угадывался старый, одинокий, несчастный человек. Вот проходит он по храму в шелковой архиерейской рясе, в белом клубуке. Благословляет. А из-под рясы выглядывает манжет от рубахи не первой свежести, видимо, с оторванной пуговицей, болтающийся вокруг худой, жалкой, старческой руки.

Добродушный, мягкий как ребенок, он иногда прикрикнет на иподиакона, сделает резкое замечание — и на миг проглянет когда-то властный архиерей, но тотчас осядет, сникнет, станет опять мягким и ласковым. «Вот, владыко, мальчик священником хочет быть », — подвела меня к нему одна его знакомая старушка. « Доброе дело, доброе, мальчик », — сказал владыка и погладил меня сморщенной старческой рукой по волосам...

В 1928 г., утомленный бесконечными переездами из Питера в Москву, владыка получил титул митрополита Московского и покинул Питер навсегда.

6 мая 1929 г. он умер под Москвой, на своей даче. Но и со смертью митрополита его мытарства не кончились. Его, как первоиерарха обновленческой церкви, должны были отпевать в храме Христа Спасителя. Но в последний момент власти не разрешили торжественного отпевания (они и мертвецов не оставляли в покое) — повезли его отпевать на Ваганьково кладбище. Здесь, около храма, он был похоронен.

Лет десять назад отыскал его могилу. Деревянный крест, на нем надпись : « Митрополит Вениамин ». Каким-то ревнителем православия слово «митрополит» зачеркнуто мазком черной краски и написано сверху: « архиепископ ».

Остановимся перед этой скромной могилой. Его судьба и весь его облик очень характерны для русского духовенства и для многих простых русских людей, случайно попавших в революционный водоворот.

И кидает этот водоворот из стороны в сторону, пока не прибьет к тихому берегу, к безвестной могиле.

У митрополита Вениамина было несколько викариев : трое из них — люди, подобные ему, простые, скромные, прибитые революционной волной к обновленческому берегу : Николай Соболев, архиепископ Ладожский, престарелый настоятель Введенской церкви на Петроградской стороне, Михаил Попов, архиепископ Тихвинский, человек высоко образованный, автор многочисленных работ по истории церкви, но сникший после революции, смиренный и незаметный, Макарий Торопов, епископ Петергофский, из сибиряков, тоже скромный, ничем не замечательный, носивший свой совершенно номинальный титул, т. к. в Петергофе у обновленцев не было ни одного приверженца, настоятель Введенской церкви у Царскосельского вокзала.

И наконец, блестящий, талантливый Николай Платонов, носивший тогда титул епископа Гдовского, настоятель Андреевского собора. Это-то и был настоящий хозяин Ленинградской епархии, власть которого, однако, оспаривал протопресвитер о. Александр Боярский. К характеристике этих двух во многих отношениях замечательных людей мы сейчас и перейдем.

С Николаем Федоровичем Платоновым связана целая эпоха моей жизни, вся моя юность прошла вблизи этого человека. В своем очерке «Закат обновленчества », широко распространенном в церковном самиздате и напечатанном в журнале « Грани » несколько лет назад, я посвятил ему ряд страниц. И все-таки не могу сказать, что он для меня совершенно ясен. Раздумывая о его многообразных перевоплощениях, я никак не могу уяснить, где он был искренен и где он был лжив. И кажется мне, что он и сам этого точно не знал.

Это был, конечно, гениальный актер, эмоциональный, до такой степени входящий в роль, что и сам не мог отделить себя от взятой на себя роли. «Какой великий артист погибает », — с полным правом мог он сказать о себе, умирая от голода в холодной комнате на 3-ей линии Васильевского острова, на квартире у Александры Павловны Тележкиной, с которой его связывали тоже сложные отношения, — в страшную блокадную весну 1942 года.

Расскажем еще раз его биографию.

Он родился 12 марта 1889 г. в Петербурге, в семье художника-богомаза, сына крепостного крестьянина. Учился во Введенской духовной гимназии. Его семья своеобразно сочетала купечески-мещанские традиции с петербургской культурой. Родители были малограмотные. Однако все дети получили образование и все были связаны с церковью. Старшая сестра Николая Федоровича, Александра Федоровна Платонова, начала писать в церковных журналах еще гимназисткой, в начале века, и впоследствии стала (несмотря на свою молодость) известной церковной писательницей. Ее очерки, статья, разбросанные по церковным журналам, выходившим в Петербурге в предреволюционные годы, перечитываешь с живым интересом. Овеянные живым религиозным чувством, они трогают читателя и теперь; а ее очерк об архиепископе Николае Японском, изданный отдельной брошюрой в 1914 г., остается пока лучшей на русском языке биографией знаменитого миссионера. Читая эти очерки, угадываешь ее дальнейшую судьбу. Основные этапы ее жизни: после революции — монахиня Иоанновского монастыря (была пострижена в 1919 г. с именем Анастасия), 1923 г. — разрыв с горячо любимым братом, закрытие монастыря. 1926 г. — она избирается игуменьей общины разогнанного монастыря, которая продолжает свое существование при храме Алексия Человека Божия. Многочисленные аресты, в которых молва обвиняет

ее брата. Высылка из Ленинграда в 1929 г., нелегальный приезд в родной город в 1930 г., случайная встреча в трамвае с братом, обмен репликами. « Что ж ты не подходишь, Шура; или брата не узнаешь ? » « И ты меня еще спрашиваешь, Коля, ведь папа и мама в могиле переворачиваются. Ты дьяволу служишь ». И загадочная реплика в ответ: « Может быть, я сам дьявол и есть! » 30-е годы. Последний арест. Лагерь. 1937 год. Ее следы исчезают.

Брат Николая Федоровича — диакон — тоже погиб в лагерях.

А теперь обратимся к самому герою этих воспоминаний.

Еще в гимназии Николай Федорович проявил себя как талантливый, честолюбивый юноша. По окончании гимназии — Духовная Академия. Решение принять священный сан. Увлечение проповеднической деятельностью. Однако на этом пути вырастает серьезная помеха : природный порок речи — гнусавость и шепелявость. 1914 г. — женитьба на Елизавете Михайловне — прелестной, глубоко религиозной девушке. Окончание Академии. Кандидатская работа о Канте. 17 мая 1914 г. Николай Федорович рукоположен в священники, получает приход — Андреевский собор на Васильевском острове, среди рынка. Один из самых богатых приходов в Петербурге. И тут начинается цепь перевоплощений.

Сразу после рукоположения — блестящий, шумный успех проповедника. Сразу обнаруживается яркий ораторский темперамент : проповеди пламенные, патетические; порой доходит до истошного крика; мелодраматические эффекты. В то же время пишет статьи в церковные журналы. Все статьи имеют ярко выраженную черносотенную окраску. Словечки: « всемирный еврейский кагал », « спасти русский народ », « жидомасоны ».

Но вот происходит революция — и перевоплощение №1.

Оказывается, наш вития всегда бесконечно любил простой народ, только и делал, что боролся за его свободу. И вот, мы видим его уже деятелем « Партии Народной Свободы ». Он выступает кандидатом в Учредительное Собрание от Васильевского острова по списку кадетской партии. Он по-прежнему пишет статьи, но теперь в них мелькают уже другие словечки : « народная свобода », « на пути демократического развития », « недоброе старое царское время » и т. д. На выборах в Учредительное, впрочем, провалился: Васильевский остров, населенный рабочими, послал представителей социалистических партий; новоявленный ревнитель « народной свободы » не подошел.

Октябрьская революция. 1918 год. Приезд в Питер Патриарха Тихона. Литургия в Исакиевском соборе. Проповедь произносит молодой священник Платонов. Он говорил о Патриархе как о путеводном светочке России, он вспоминал о Патриархе Гермогене, Патриархе-Подвижнике и Крестоносце. Он сравнивал торжество в Исакиевском соборе с Входом Господним в Иерусалим. Он говорил о Патриархе, грядущем на вольную страсть. Эхо разносило его сильный, гнусавый голос; тысячи людей, переполнявших огромный собор, были потрясены. Умиленный Патриарх, сняв камилавку с архидиакона, возложил ее на молодого священника, когда он после проповеди вернулся в алтарь, и со слезами на глазах произнес : « Аксиос ». « Аксиос, аксиос, аксиос ! » — подхватило духовенство. Отец Николай Платонов, возведенный вскоре в протоиереи, стал героем дня и вскоре получил настоятельство в Андреевском соборе.

Летом 1918 года Платонов был арестован. Это было страшно : было время красного террора, на Гороховой 2, в подвалах, расстреливали пачками. Но все хорошо, что хорошо кончается. Через две недели отец Николай возвращается к себе домой. Его деятельность продолжается. В начале церковной смуты Платонов — ярый тихоновец. Он горой за Патриарха, он произносит речи, очень яркие, очень эмоциональные, очень убедительные, в которых защищает Патриарха и громит живоцерковников.

1923 год — арест. Почитатели Платонова его оплакивают, готовятся служить панихиды о мученике за веру. Но опять « все хорошо, что хорошо кончается ». Через месяц в его квартире, 6 линия 11, ночью раздается звонок. Дрожащая Елизавета Михайловна открывает дверь и глазам не верит : на пороге стоит ее муж, улыбающийся, веселый. « Выпустили ».

И очередное перевоплощение. Платонов — ярый живоцерковник. Он носится как угорелый по Васильевскому острову. В короткий срок он все василеостровские церкви (кроме Киевского подворья — монахи-украинцы проявили чисто хохлацкое упрямство) приводит к Живой Церкви. Андреевский собор становится цитаделью церковного обновления. Каждое воскресенье отец Николай Платонов, взойдя на кафедру, произносит проповеди. Он горой за Живую Церковь. Он произносит речи, очень яркие, очень эмоциональные, очень убедительные, в которых защищает Живую Церковь и громит тихоновцев.

Еще 2 года. И вот, 8 ноября 1925 года, в храме св. Великомученицы Екатерины, — архиерейская хиротония. Протоиерея Николая Платонова рукополагают во епископа Гдовского. Это первый женатый епископ у нас в Питере. Я был на его хиротонии. Здесь начинаются мои личные о нем воспоминания.

В 1972 г., в лагере, я видел сон. Мне приснился Платонов. Видел его как живого. Рядом с ним — Елизавета Михайловна и его вторая жена, Мария Александровна. Мария Александровна, показывая на своего мужа, сказала: «Не оскорбляйте его!»

Я не буду оскорблять его. Я знаю, что все эти перевоплощения не давались даром. (А кроме тех, о которых я говорил, их было еще два : отречение от веры и превращение в антирелигиозного пропагандиста в 1938 г. и публичное раскаяние и причащение Святых Тайн перед смертью в 1942 г.) В этих перевоплощениях — боль, мучительный надрыв. И в его пламенных, подчас истерических, сначала обновленческих, а потом и антирелигиозных, речах — желание убедить не столько других, сколько самого себя. И я его любил. Я до сих пор помню его речи, слышанные мною в детстве, и храню их в своем сердце. Они многому меня научили.

Весна 1926 года. Великий пост. В 4-ую неделю Великого поста — пасхия. Чтение Евангелия о страданиях Христовых. Верующие с зажженными свечами. После Евангелия — духовный концерт. На кафедру проповедника всходит архиепископ (он получил это звание от обновленческого синода через 3 месяца после епископской хиротонии) Николай Платонов. Говорит о страстях Христовых 2 часа. Речь прерывается песнопениями страстной седмицы в прекрасном исполнении великолепного хора Андреевского собора. Платонов говорит горячо, все более и более возбуждаясь под влиянием собственной речи. И наконец, вершина ! Платонов сказал о наших грехах, которыми мы распинаем Господа.

« Но ты мне скажешь, я такой, как все ! О, если такой, как все, не надо было приходить Господу! Не надо, не надо было идти на крест !

О, если такой, как все ? Зачем было так страдать, так мучиться на кресте ?

О, если такой, как все ? Излишен крест, излишне распятие, излишен Христос !»

Вся толпа, переполнявшая собор, дрогнула в едином порыве, и сейчас, через 50 лет, я слышу этот голос и вижу искаженное какой-то судорогой лицо проповедника. И мне стало тоже чего-то мучительно стыдно и я дал себе слово никогда не быть, как все.

И это же чувство я испытал через тридцать с лишком лет, когда прочел пастернаковское :

Для кого на свете столько шири,

Столько муки и такая мощь.

Есть ли столько душ и жизней в мире,

Столько поселений, рек и рощ.

Проповедник и поэт встретились друг с другом. И другая его речь : на праздник Введения во храм Пресвятой Богородицы. Осенью 1926 года.

Он говорил о мире, потрясенном, смятенном, смутно ожидающем преображения. И опять внезапный порыв : « И уже близок час, когда вслед за Богородицею все человечество войдет во Свята Святых ! »

У великих проповедников бывают вдохновенные порывы, когда происходит полное слияние оратора со слушателями. Когда и оратор, и слушатели совершенно забывают обо всем на свете. Это бывает очень редко, но эти мгновения и у оратора, и у слушателей остаются на всю жизнь. Сейчас я рассказал о двух таких моментах.

И другой человек, во много раз более крупный, чем Платонов, подвизался тогда в обновленческой церкви в Питере. Александр Иванович Боярский.

В противоположность беспринципному, метущемуся, морально растленному Платонову (я обещал его не оскорблять, но при всем желании не могу найти для него другой характеристики, да простит меня Мария Александровна!), Боярский поражал своей цельностью и моральной чистотой. Самая фигура его производила такое впечатление. Высокий, плотный, чернородый, он крепко держался на ногах, и в облачении, оправдывая свою фамилию, действительно походил на боярина. Но душа у него была отнюдь не боярская. Если Платонов метался из стороны в сторону, всегда желая «идти в ногу со временем», поспеть за победителями, и в этом метании изломал и погубил себя, то Боярский с самой юности был убежденным христианским социалистом и пронес это знамя до самой своей смерти в тюремной камере, не изменив ему ни разу.

Он родился в 1885 году в семье священника. Еще в Духовной Академии он проявлял интерес к рабочему вопросу. В 1906 году Александр Иванович — студент второго курса Духовной Академии — появился среди рабочих Спасо-Петровской мануфактуры. « В то время, — вспоминал впоследствии Боярский,

— в среде петербургской духовной интеллигенции к рабочим относились со страхом : о них говорили как о богохульниках, людях, которые только что живьем не едят попов ». Однако с первой же беседы отец Боярский приобретает популярность в рабочей среде. (См. «Вестник труда», Петроград, 12 мая 1918 г., стр. 1, А. И. Боярский, « Среди рабочих »).

По окончании академии Боярский становится священником храма Святителя Николая в Колпине — рабочем поселке под Питером, прилегающем к известному Обуховскому вагоностроительному заводу.

В монографии об Обуховском заводе, вышедшей в 30-е годы под редакцией Горького в серии «История заводов », отмечается, что среди рабочих пользовался особым влиянием «местный поп». Подразумевается Боярский. Авторитет о. Александра был действительно велик. Он замечал каждую мелочь, видел людей насквозь, знал, как и кому помочь. К нему шли все бедняки, пропойцы, люмпены. Поговорит, поругает, а потом придумает практический выход, устроит и поможет. Удивительная черта была в Боярском: естественно и просто говорить обо всем. Вот сидит он в Колпине, в своем кабинете при храме, всякий туда приходит, и со всеми он разговаривает. Большое помещение (бывшая пономарка), стол в углу, скамьи. Посетители приходят, уходят, многие остаются и слушают. Некоторые говорят : « Хочу, отец Александр, сказать два слова наедине ». Этих батюшка берет под руку и идет с ними за перегородку. Вот приходит человек в обмотках из армии — молодой, нервный парень, искатель веры — спрашивает о догматах, говорит о Фейербахе, говорит об основании новой религии. Боярский подробно разъясняет, обстоятельно цитирует Фейербаха с таким видом, как будто он весь день только и думал, что о Фейербахе, а затем, обратившись к старушке, которая пришла жаловаться на сына, что он ее обижает, так же толково и просто объясняет, что надо сделать, как держаться с сыном, и обещает прийти и побеседовать, а потом обращается к 12-летнему мальчишке — вашему покорному слуге: « Ну что, орел, где ты теперь прислуживаешь, в монахи идти еще не раздумал ? » Я начинаю в ответ обличать обновленчество. Двумя-тремя фразами батюшка кладет меня наповал и завершает беседу репликой: « В монахах тебе не бывать — не того склада, Зосиму (из « Братьев Карамазовых ») из тебя не сделаешь. И с тихоновцами тебе не по пути. Ты родился обновленцем. Вырастешь, к нам придешь».

Что ты скажешь ! Как в воду глядел. В Колпино был при храме колпинский « Кружок церковных реформаторов », состоящий из молодежи. Там читались рефераты, спорили о конкретных путях обновления церкви. И когда я прочел постановления 2-го Ватиканского Собора, я сразу услышал знакомые мотивы. Многое я слышал уже из уст отца Александра Боярского.

Отец Александр Боярский занимает в истории русской религиозно-общественной мысли совершенно особое место.

Прежде всего, это глубоко практичный человек. Он не улетает в облака и не увлекается декламацией. В этом отношении огромный интерес представляет его работа « Церковь и демократия (спутник христианина-демократа)», Петроград 1918 год. Здесь выражена программа христианской демократии так ясно и просто, что и в наши дни она может быть принята (с небольшими изменениями) основой для христианско-демократического движения во всем мире. В начале брошюры — принципиальная установка : « Церковь Христова, содержащая всю полноту Христовой вечной истины, не может быть низводима до уровня политической партии » (стр. 17).

Однако церковное сознание имеет свое мнение о насущных вопросах, и это мнение может быть выражено в следующих 13 пунктах.

1. Государственный строй. Соборный (коллективный) разум должен лежать в основе государства; какая бы то ни было единоличная, бесконтрольная власть категорически отвергается.
2. Отрицание наступательной (агрессивной) войны.
3. Отрицание смертной казни.
4. Отрицание сословий.
5. Равноправие женщин.
6. Труд как основа жизни — не должно быть ни одного нетрудящегося человека.
7. Кооперация и капитализм. Автор высказывается за замену капиталистической собственности на орудия производства собственностью кооперативной. Кооперативы должны состоять из рабочих.
8. Богатство и бедность. Боярский великолепно доказывает на основе Священного Писания, что истинный христианин не может быть богатым. Подтверждая это положение евангельскими текстами, А.И. Боярский остроумно замечает, что если какой-нибудь капиталист захочет руководствоваться христианскими нормами в своем хозяйстве, он разорится ровно через два дня.
9. Восьмичасовой рабочий день.
10. Земля объявляется общей собственностью.
11. Одиннадцатый пункт посвящен общей собственности. Здесь отец Боярский высказывается за культивирование и всяческое поощрение общинных форм собственности. В качестве примера приводится община, созданная Иваном Алексеевичем Чуриковым в Вырице под Петроградом. «Общность имущества, — говорит отец Александр, — ценна с христианской точки зрения как выражение духовного единства, как его завершение».
12. Свобода совести.
13. Тринадцатый пункт озаглавлен : « Методы борьбы со злом ». Сущность этого пункта может быть выражена тремя словами : «Исключительно мирные методы ».

« Такова, — заканчивает отец Александр Боярский свою брошюру, — платформа свободного сына Православной Церкви ». (Стр. 32).

В свое время покойный митрополит Николай (Ярушевич) бросил в мой адрес обвинение : « Уж очень он опьянен всеми этими Боярскими и Введенскими». Нет, не опьянен. Пусть кто-нибудь покажет образец такой четкой и ясной программы христианского обновления мира.

Сейчас отдельные экземпляры этой брошюры затеряны в спецхране Библиотеки им. Ленина в Москве и Ленинградской Публичной Библиотеки в Ленинграде. Но да будет первым актом будущей Свободной России перепечатка

этой книги. И пусть прочтут ее новые поколения свободных людей во всем мире, пусть скажут словами русского поэта: «И эта книжка небольшая томов премногих тяжелей».

Резкое отличие А.И. Боярского от других обновленческих деятелей — редкая честность и чистота. В своей брошюре он пишет об «исключительно мирных методах». В своей деятельности он руководствуется исключительно христианскими методами.

Чтоб меня опять не обвинили в излишнем пристрастии к этому деятелю, которого я безусловно признаю своим учителем, предоставляю слово другим. Вот перед нами воспоминания Гуровича, защитника митрополита Вениамина во время судебного процесса в Петрограде в 1922 г. На этом процессе Красницкий и другие живоцерковники изощрялись друг перед другом в клевете на митрополита. Даже защитники (кроме Гуровича, присланного из Швейцарии от «Красного Креста») боялись защищать подсудимого. Для всех было ясно: смертный приговор предрешен.

Как держал себя Боярский? Пусть говорит Гурович. «Следующим свидетелем был священник Боярский — умный, образованный, талантливый проповедник. Обвинители были уверены, что он даст показания, убийственные для митрополита. Но он произнес пламенный, художественный по своей форме панегирик в прославление митрополита Вениамина. Злоба разочарованных обвинителей обрушилась на следующего свидетеля». (См. «Вестник РСХД». Август 1927 г. Статья Гуровича «К 5-летию со дня смерти митрополита Вениамина»). Вот перед нами фундаментальный исторический труд диакона Василия ЧСВ. Автор, очень отрицательно настроенный по отношению к Живой Церкви, дает на основании воспоминаний русской католички, Ю.Н. Данзас, уничтожающую (и не вполне справедливую) характеристику Введенского и других живоцерковников. Он все же, скрепя сердце, вынужден сделать одно исключение: «Он (Введенский) начинает сближаться с Красницким и Альбинским, подчиняет своему влиянию честного и открытого отца Александра Боярского». (См. Диакон Василий ЧСВ, «Леонид Федоров. Жизнь и деятельность». Рим, 1966 г., стр. 437).

Личность Боярского, не любившего аффектации, предопределила его ораторскую манеру. Он избегал пафоса. Беседу вел просто, в тоне бытового разговора, — но это была кажущаяся простота. Постепенно он захватывал слушателя как бы в тенета и начинал говорить все так же просто, не повышая голоса, но с необыкновенной силой, против которой трудно было бороться, которой невозможно было противостоять. О силе убеждения, которой обладал Боярский, свидетельствует случай, о котором я слышал от многих очевидцев. В 1921 г., в Колпине, в день Святителя Николая (19-го декабря), у женщины за ранней обедней украли хлебные карточки на всю семью. Боярский только что совершил раннюю обедню и разоблачался в алтаре. Ему рассказали о краже карточек. И вот, он вышел из алтаря, наполовину разоблачившийся, без фелони, но в стихаре, епитрахили и поручах, и крикнул на весь храм: «Стойте! Слушайте!» А потом стал говорить. Говорил с необыкновенным жаром, но, как обычно, просто и ясно: изобразил горе обокраденной женщины, ужас семьи, оставшейся без хлеба, голодных детей. А потом указал на образ Святителя. Стал говорить о наказании того, кто оскорбил Св. Николая в день его памяти. Привел несколько примеров наказания. А потом произнес: «А теперь пусть тот, кто украл, положит карточки к подножию иконы Николая»

Чудотворца !» Наступила напряженная тишина. И вдруг... и вдруг поднялась из толпы чья-то рука с карточками... Толпа расступилась перед ним, как перед архиереем. На солею вышел рабочий парнишка и положил к подножию местного образа Святителя Николая карточки...

В конце 20-х годов отец Александр Боярский носил сан протопресвитера. Он был настоятелем одного из самых больших храмов Питера — Спасского собора на Сенном рынке — и одновременно служил в Колпине, в Никольском храме. Он был также председателем обновленческого Епархиального Совета. Но такой человек, конечно, не мог нравиться властям. Недовольство властей подогревал Платонов, который выступал против Боярского где и как только мог. В конце 1928 года Боярский был удален из Ленинграда. Правда, пилюлю позолотили : он был рукоположен во епископа Иваново-Вознесенского и в начале 1934 года был возведен в сан митрополита. Но ГПУ давно уже зарилось на независимого и принципиального человека. Не такие люди были ему нужны. Летом 1934 года Боярский был арестован.

Его судьба так и осталась неизвестной. Был какой-то неясный слух, будто видели его в Ивановской тюрьме, в безумии. Затем наступили годы ежовщины... Следы Александра Боярского пропали.

Во время войны его жена считала мужа живыми и надеялась увидеть его. Она его и увидела. В 1962 году, перед смертью, она вдруг вскрикнула: « Саша! » На вопросы близких « Что ты ? Что случилось ? » она, дрожа всем телом, отвечала : « Саша, отец Александр, сейчас прошел по комнате... Я видела... » Больше Боярского не видел никто и никогда. Этот обновленческий деятель умер исповедником Божиим.

И наконец, Введенский. Его в это время в Ленинграде уже не было: он жил в Москве, где возглавлял обновленческий Синод. В Питере бывал лишь наездами, но все здесь было полно слухами о нем. Его имя я слышал с самого раннего детства. Это был расцвет его славы. О нем слагались легенды. Его имя знала вся Россия. О нем говорили с уважением и недоумением. И даже фанатично настроенные тихоновцы все же восхищались его выступлениями на диспутах. Его появлению в Ленинграде всегда предшествовали плакаты на заборах, на которых аршинными буквами извещалось о диспутах с участием митрополита Александра Введенского; затем в Филармонии, у кассы, выстраивались длиннейшие очереди за билетами. В декабре 1927 года я простоял в такой очереди 5 часов на морозе.

В 1927 г. я впервые увидел этого человека, сыгравшего столь важную роль в моей жизни.

О Введенском я писал уже очень много. Мой очерк « Закат обновленчества », напечатанный в журнале « Грани», посвящен в значительной степени последним дням Введенского.

Очерк вызвал ряд откликов в западной печати. В частности, ему посвятил особую рецензию русский католик, иеромонах Хризостом. Прочитав мои слова о том, что я « хотел рассказать все, что я знаю, но понял, что не могу этого сделать », отец Хризостом, с совсем не монашеским злорадством, замечает: «Можно себе представить, в каком виде предстал бы Введенский, если бы А. Краснов мог рассказать о нем все, что он знает ». На это я отвечаю вопросом : « А в каком виде мы с Вами предстали бы, если бы кто-нибудь, к

нам очень близкий, рассказал о нас все, что знает? Хотели бы Вы этого ? » Я бы так не хотел.

Имеется два типа мемуаристов: парадные, официальные мемуаристы, которые все подают в приглаженном, приукрашенном виде. Таковы авторы всех советских военных мемуаров (в том числе и маршал Жуков). Их мемуары, как правило, лишены какой бы то ни было исторической и психологической ценности.

Но есть и другого типа мемуаристы, которые старательно выискивают все мелкие, пошлые черточки у великих людей. Характерным примером такого мемуариста является Авдотья Яковлевна Панаева (гражданская жена Некрасова). Ненавидя Тургенева, она изобразила его в своих мемуарах вполне законченным пошляком, хвастуном, мелким, тщеславным эгоистом. Не упустила ни одного факта, который мог бы очернить Тургенева. Не объяснила она только одного : каким образом могли появиться « Рудин », « Дворянское гнездо », « Накануне », « Стихотворения в прозе », изумительные тургеневские повести, которые уже столетие радуют десятки миллионов читателей и будут радовать последующие поколения через много веков после того, как нас уже на этой планете не будет.

Трудность в изображении столь сложной личности, как Александр Иванович Введенский, состоит в том, чтоб, рассказав о его слабостях и пороках, объяснить истоки его чудесного, ни с чем не сравнимого проповеднического дара.

Биография обновленческого митрополита рассказана мной в «Истории обновленчества », частью напечатанной в « Новом Журнале» в Нью-Йорке и в журнале «Возрождение» в Париже. Поэтому не буду подробно ее пересказывать. Напомню лишь основные вехи его блистательной и трудной жизни.

Он родился 12 сентября 1889 г. (по новому стилю) в Витебске, в семье директора местной гимназии. По окончании гимназии поступил в Петербургский Университет, на историко-филологический факультет. Очень религиозный еще в детстве, он, учась в университете, сблизился с кругами богоискательской интеллигенции, в частности, стал близким человеком в доме Д.С. Мережковского и З.Н. Гиппиус. В 1911 г. провел анкету среди представителей русской интеллигенции с целью выяснить причины ее неверия. Опросив при помощи газеты «Русское Слово» несколько тысяч человек, опубликовал в журнале «Паломник» статью «Причины неверия русской интеллигенции ».

Это первое выступление в печати двадцатидвухлетнего автора уже показывает блестящий талант и в какой-то мере является ключом к его последующей деятельности. Подводя итоги произведенного им опроса, А.И. Введенский приходит к выводу, что есть две основные причины неверия русской интеллигенции: несоответствие религиозного учения науке и «порча церкви» — моральная испорченность духовенства и его реакционность. Уже тогда Введенский ставит перед собой две задачи: научная апологетика христианства и борьба за обновление церкви.

Следующие этапы его жизни : 1912 г. — женитьба на Ольге Федоровне Болдыревой, дочери харьковского предводителя дворянства. 1914 г. — рукоположение в сан священника, служба в качестве полкового священника в

армии. 1916 г. — переезд в Петербург, служба в качестве священника в Николаевском Кавалерийском Училище. 1917 г. — после Февральской революции — начало широкой политической деятельности. Сближение с отцом Александром Боярским и с отцом Иоанном Егоровым. Основание Демократического Союза духовенства. Выезд на фронт для агитации за продолжение войны. Участие в « Русском Республиканском Совете » (т. н. « предпарламенте »). Сближение с эсеровской партией.

После Октября — выступления на диспутах, которые в первые же годы революции создали молодому священнику Введенскому громкую славу. Служба в Захариеелизаветинской церкви на Захарьевской улице, личная близость к митрополиту Петроградскому Вениамину (впоследствии расстрелянному). И наконец, 1921 г. Голод в Поволжье. Агитация за сдачу церковных ценностей государству.

В 1922 г. — совместно со священниками Красницким, Белковым, Калиновским он производит церковный переворот (или, как тогда называли, « церковную революцию »). Формирует, после ареста Патриарха Тихона, Высшее Церковное Управление.

Приезд в Петроград. Запрещение в священнослужении, наложенное митрополитом Вениамином. Темная и очень некрасивая роль, граничащая с предательством, при аресте митрополита Вениамина. Попытка выступить на суде в качестве защитника митрополита, ранение в голову камнем, брошенным фанатичкой. Борьба с Красницким. Разрыв с Живой Церковью. Формирование нового церковного течения (Союз Общин Древле-Апостольской Церкви — СОДАЦ).

Руководящая роль на обновленческом Соборе в мае 1923 года. Рукоположение (после принятия постановления о женатом епископате) в сан архиепископа. Выступления на диспутах с Луначарским.

1924 год — после окончательного оформления раскола возведение в сан митрополита, доминирующая роль в обновленческом расколе.

В то время, когда я его увидел, в 1927 году, он носил официальный титул «Митрополит-Апологет, Благовестник Христовой Правды » и занимал должность заместителя Председателя Священного Синода (при номинальном Председателе митрополите Вениамине Муратовском) и ректора Московской обновленческой Академии. Проживал он в Москве; однако в Питере было два храма, находившихся непосредственно в его ведении: Захариеелизаветинская церковь на Захарьевской улице (ныне улица Каляева), где он служил еще священником, и Пантелеймоновская церковь на Пантелеймоновской улице (ныне улица Пестеля). Основная особенность этих храмов — до 1929 г. там служили по новому стилю.

Введенский всегда служил в Захариеелизаветинской церкви 25 марта (в день Благовещения), делая нескромный каламбур из созвучия праздника с его титулом : Митрополит-Благовестник и служит на Благовещение.

24 марта 1927 года я его и увидел во время всенощной. Храм был переполнен народом; вот вышли встречать митрополита : все солидное питерское духовенство. Колокольный звон, возглас диакона.

Показался митрополит. В первый момент я остолбенел от изумления. Представьте себе: белый клобук, мантия, окружение духовенства. И в кадилльном дыму, под белым клобуком, — актерски бритое лицо, с огромным, чисто еврейским носом с горбинкой (доставшимся ему от деда — псаломщика из крещеных кантонистов), отвислая нижняя губа. При пении « Дстойно » благословил, прошел в алтарь. На праздничной литии я подобрался ближе к кафедре и стоял почти рядом со знаменитостью. Он стоял, закрыв глаза, нижняя челюсть отвисла еще больше, левая рука быстро-быстро, нервно перебирала белые, перламутровые четки.

И наконец, перед выходом на полиелей — проповедь. Впечатление ошеломляющее : человек в митре, в полном архиерейском облачении, говорит жестикулируя, размахивая руками, так что иногда кажется, что у него три руки. И все время слышатся совершенно необычные с церковной кафедры слова : Паскаль, Бергсон, на столбцах «Фигаро». Хотя я и был развит не по летам, но не понял в его проповеди ни одного слова (только запомнил Паскаля, Бергсона и « Фигаро »).

Затем служба продолжалась : каждое резкими порывистыми движениями, Евангелие читал резким, отрывистым тенорком. После всенощной, в белом клобуке и в поддевке, уселся на извозчика. Уехал. Придя домой, я рассказал обо всем бабушке. Та отпечатала : да, умный человек, но аферист.

Второй раз видел его на диспуте. Тут впечатление совсем другое. Без облачения, в рясе, без белого клобука не получалось такой странной дисгармонии. Короткие курчавые волосы, высокий лоб. Впечатление адвоката, профессора.

Сначала говорил Луначарский. Полный, с сильной проседью человек. Заученные интонации привычного оратора. Довольно плоские остроты. Публика слушала его невнимательно, и так было всем известно, что он скажет. Все взоры были устремлены на человека в рясе, сидевшего на эстраде, которого Луначарский называл «Гражданин Введенский». Но вот, после речи Луначарского, председатель провозгласил : «Слово предоставляется оппоненту, гражданину Введенскому ». Он вышел на кафедру. Половина зала бурно зааплодировала.

Он начал говорить. Сначала обыкновенные фразы, сказанные в духе светского разговора. Потом он разгорячился, и речь стала нервной, порывистой. Он говорил о гармонии, которая разлита в мире; он сравнивал религию с музыкой, которую отрицать невозможно, потому что ее невозможно понять разумом. Он говорил о любви отца к ребенку (и голос его стал нежным, ласкающим): докажите отцу, что эта любовь не существует. А потом он стал говорить о религиозном чувстве, о слиянии с универсумом, об ощущении, которое врождено, которое пробивает себе дорогу, несмотря на все препятствия. Рассказал о двух девочках из приюта, которые молились по ночам и чувствовали сладость беспримерную, хотя учительница им и говорила, что Бога нет.

Конец: взволнованная речь о религии как синтезе науки, искусства, жажды справедливости. Воодушевление овладело оратором, он ничего не слышал и не видел. Оно передалось в зал. Половина публики повскакала с мест. Луначарский на эстраде, видимо, тоже нервничал, менял места. После окончания — минута тишины. Потом взрыв аплодисментов. Антракт. В антракте сплошной гомон. Спорящие голоса. Взволнованные лица. Звонок. Речи

ораторов-безбожников. Их никто не слушает. Но вот на трибуне снова Луначарский. Начал речь признанием : « Я не собираюсь конкурировать с высококвалифицированным религиозным гипнотизером » (крики : « Еще бы ! »). Речь в юмористическом тоне, через который, однако, прорывается раздражение. Ссылка на Ленина. Аплодисменты, но холодные, официальные. Конец.

Верующие взволнованы. Выхожу на улицу. Помню обрывки реплик: « ...но ведь женатый ! » « Ну и пусть ! Я ему еще десять приведу! Пусть только проповедует!» Я прихожу домой в совершенно восторженном состоянии. Поля, которая тоже была со мной на диспуте, хотя и не все поняла, но тоже в восторге. Долго не могу заснуть. Все раздаётся в ушах чудесный тенор великого проповедника. С тех пор я не пропускал ни одного диспута.

Введенский не укладывается ни в какие рамки, ни в какие правила школьной гомилетики. Амплитуда его как оратора поистине беспредельна. Иногда он — лектор. Однажды против него выступало 11 специалистов (это был диспут на тему « Наука и религия »). Он оперировал точными данными из высшей математики, биологии, физики. Оперировал теорией относительности, астрономическими терминами. Его оппоненты возражал ему, заикаясь от волнения, выглядели школьниками. Другой раз перед вами был трибун, Савонарола, который обличал, громил, а потом голос вдруг смягчался, и он, как бы всматриваясь в даль, говорил о весне, приходящей в мир, об обновлении мира тихостью Святого Духа.

А иногда его речь была тихой исповедью, лирическим раздумьем о судьбах мира, о судьбах церкви. Тихая грусть как бы оевала слушателей. И тем неожиданнее был взрыв в конце. Призыв к вере, восторженное исповедание веры в Бога. Особенно впечатляюще он говорил о Христе, о Его любви. Христос — это единственная светящаяся точка в истории, в этом мире, в котором царствует хаос страстей. « Какой ужас, какая гибель в душе без Христа! » — восклицал он, и всех охватывал ужас...

Во всяком случае могу сказать одно : Введенский для меня убил всех проповедников. Все, что я слышал после него, за всю мою долгую жизнь в церкви, казалось мне бледным и жалким, кроме, пожалуй, некоторых проповедей Платонова, который в лучшие свои минуты приближался к Введенскому.

Я тогда был лишь слушателем. Личное знакомство и близкая дружба наступили после. А теперь все-таки попытаюсь дать себе отчет. Кто такой Введенский? Гениальный проповедник ? Да ! Хороший человек ? Вряд ли. Плохой человек ? Вряд ли. Прежде всего это человек порыва. Человек необузданных страстей. Поэт и музыкант. С одной стороны — честолюбие, упоение успехом. Любил деньги. Но никогда их не берег. Раздавал направо и налево, так что корыстным человеком назвать его нельзя было. Любил женщин. Это главная его страсть. Но без тени пошлости !

Он увлекался страстно, до безумия, до потери рассудка.

И в то же время в душе у него было много красивых, тонких ощущений : любил музыку (ежедневно по 4, по 5 часов просиживал за роялем. Шопен, Лист, Скрябин — его любимцы), любил природу. И, конечно, был искренно религиозным человеком.

Особенно радостно он переживал Евхаристию : она была для него Пасхой, праздником, прорывом в вечность. Мучительно сознавал свою греховность, каялся публично, называл себя окаянным, грешником. Обращаясь к народу, говорил : « Вместе грешим перед Христом, будем вместе и плакать перед ним ! »

А потом наступал какой-то спад; и сразу проступали мелкие, пошленькие черточки в его характере: любовь к сплетням, детское тщеславие и, что хуже всего, трусость.

Трусость в соединении с тщеславием и сделали его приспособленцем, работником советской власти, которую он ненавидел, но которой все-таки служил...

Последний диспут, на котором я присутствовал, происходил в Филармонии, в январе 1928 г. Это был необычный диспут : диспут между обновленцами и староцерковниками. От обновленцев выступал митрополит Введенский, от староцерковников — бывший ректор Петербургской Духовной Семинарии, в это время настоятель храма Волкова кладбища, прот. Кондратьев.

Сначала говорил Введенский. Первая часть его доклада была посвящена порокам церкви. Он говорил о цезарепапизме, процитировал слова Юстиниана, обращенные к епископам, « бессмертные по цинизму »: « Моя воля — вот ваш канон ». Рассказал о том, как в ризнице Пантелеймоновской церкви он нашел старинную икону « Семь Вселенских Соборов ». Посредине император Константин, а по бокам семь маленьких кружков — семь Вселенских Соборов. « Древний иконописец здесь графически изобразил значение в церкви императорской власти и вселенских соборов! » Он затем говорил о традиционном консерватизме церкви. Процитировав слова Канта, что верующие люди всегда идут в арьергарде научных достижений человечества », Введенский с жаром заявлял, что назначение верующих христиан — идти впереди человечества, нести горящий факел мудрости и справедливости среди кромешной тьмы. Он заявил, что церковь не должна быть музеем, где все тщательно запротоколировано, проинвентаризовано и покрыто вековой пылью. « Откройте окна, впусните свежий воздух, пусть ворвется в церковь солнечный свет », — исступленно требовал он.

Затем говорил отец Кондратьев, старик с большой белой бородой. Он весьма ехидно заявил, обращаясь к Введенскому : «Вы не отказались от политики, а переменили политику. Спросите любую из наших женщин, кто вы такие. Она вам ответит кратко : красные попы » (Смех, аплодисменты. Улыбается и Введенский.) «Вы не отказались от подчинения государству, а лишь переменили хозяина ». Протоиерей Кондратьев затем процитировал слова епископа Антонина, председателя обновленческого собора: «Собственно говоря, это не был Собор в церковно-каноническом смысле, а просто стачка попов ». Наконец, отец Кондратьев огласил сенсационный документ : секретный циркуляр, подписанный Введенским как заместителем председателя Синода, обращенный к епархиальным архиереям, в котором рекомендовалось (в случае необходимости) обращаться к органам власти для принятия административных мер против староцерковников. « Вот Ваш факел, который Вы хотите нести человечеству », — говорил отец Кондратьев, потрясая злополучным циркуляром в старческой руке. Взрыв аплодисментов одной части зала. Обновленцы смущенно молчат, впечатление потрясающее. Слово берет Введенский, который говорит, что он всегда боролся с Красницким и всегда был против административных мер, но впечатление не в его пользу : тут и все его красноречие бессильно.

Затем выступают комсомольцы, сектанты. Наконец, слово предоставляется молодому, энергичному батюшке — отцу Борису (староцерковнику) из храма Бориса и Глеба на Калашниковой набережной. Краткое, но сильное выступление. О Введенском говорит : «Какой оратор, какие знания, какие способности. Но иногда от небольшой ошибки инженера может рухнуть грандиозный мост. Не случилось бы этого с Введенским ! Он допустил одну, как будто и неважную, как будто только тактическую, ошибку: пошел на временный союз с безбожниками. И от этой ошибки рухнет все его сооружение ». И заключительные слова отца Бориса: «Обновленчество, староцерковничество — это все только эпизоды. Главное в другом: это арена расчищается для последнего смертного боя между вами, безбожниками, и нами, божниками». Гробовая тишина. Все ошеломлены смелостью священника. Председатель диспута встает и с перекошенным от злобы лицом роняет реплику по адресу отца Бориса : « Он уже проиграл этот бой ».

Вскоре (через год) отец Борис исчез с нашего горизонта, был сослан в Якутию. Но я часто потом вспоминал его слова о Введенском и о смертном бое между христианами и безбожниками.

Последним выступил Лонгинов, один из самых ярых безбожников, редактор хулиганской газеты «Безбожник у станка», который даже Ярославского считал оппортунистом по отношению к религии. Попович (бывший семинарист), он носил длинную окладистую бороду. На этой почве часто возникали забавные недоразумения, когда он (совместно с Введенским) совершал турне с диспутами по провинции : когда они приезжали в какой-нибудь город, представители Горкома подбегали к Введенскому, одетому в шевиотовый костюм, и жали ему руку, тогда как Лонгинов, стоя в стороне, лукаво улыбался в свою длинную бороду. В вагоне он был очень любезен с Введенским : угощал его то арбузом, то домашним пирогом и даже подносил ему фиалки. Зато на диспутах бывал груб и по-чекистски недоброжелателен.

На этот раз он превзошел самого себя : обрушившись на отца Кондратьева, он заявил, что «напрасно он дергает с таким ехидством Введенского за фалды. Если он переменял политику, то это великолепный комплимент, потому что нет человека в мире, который не занимался бы политикой ». Тут же, однако, прибавил, что не верит и обновленцам и не сомневается, что «они продадут нас кому угодно и за что угодно ». И закончил свою речь грубой тирадой. « Я сегодня выбивал свои брюки и от них пошло облако пыли. Еще больше пыли пойдет от вас, церковников, когда мы начнем скоро вас как следует бить ».

Этим зловещим выступлением безбожника закончился диспут. Интересно, что в 30-е годы « выбиватель пыли » был сам арестован и провел в лагерях 20 лет. Вернулся лишь в 1956 г. немощным старцем. Видимо, палка, которой выбивают пыль, о двух концах.

Я, к сожалению, никогда не видел епископа Антонина, самого крупного и самого замечательного из представителей православного модернизма, т. к. он умер в Москве 14 января 1927 года. Однако со сторонниками этого замечательного человека, которого я также признаю своим учителем, мне приходилось в Питере сталкиваться очень часто. Епископу Антонину в « Истории обновленчества» я посвятил ряд страниц, а 3-ий том, неизвестный на Западе, почти целиком посвящен ему. Здесь вкратце напомним его биографию.

Епископ Антонин был, конечно, самый крупный из вождей обновленчества. Богатырем он был даже физически: высоченного роста (на несколько вершков

выше Петра Великого), обладающий великолепным басом, который перекрывал всех протодиаконов, наполняя собой храм Христа Спасителя. Крупным человеком он был и в интеллектуальном и в духовном отношении.

Епископ Антонин (в миру Александр Андреевич Грановский) родился в 1860 г. на Украине, в семье псаломщика. По окончании семинарии много странствовал, изучил в совершенстве восточные языки, занимался археологией, участвовал в раскопках. И только в 27 лет поступил в Киевскую Духовную Академию, которую окончил в 1891 г. первым по списку. На последнем курсе принял монашество с именем Антонин. Тотчас после окончания Академии получил назначение помощником инспектора Киевской Академии. Затем, рассорившись со своим начальством, иеромонах Антонин переехал в Москву в качестве смотрителя (начальника) Донского Духовного Училища. Однако и в Москве не повезло. Причиной для отставки послужил комический инцидент : иеромонах Антонин, тяготясь одиночеством, завел себе друга по своему характеру : выдресировал и приручил медвежонка. На окраине Москвы, около Донского монастыря, часто можно было в 90-е годы видеть экстравагантную фигуру: высоченного, широкого в плечах иеромонаха, рядом с которым шествовал медведь. Однажды, на Пасху, когда полагалось делать визиты начальству, отец Антонин пришел к какому-то важному начальнику и расписался внизу, в книге визитеров : «Иеромонах Антонин с медведем ». Результатом была немедленная отставка. Опять вернулся иеромонах в свой родной Киев и получил назначение смотрителем Киево-Подольского Духовного Училища. За это время отец Антонин приобрел себе (благодаря своему несдержанному, порывистому характеру) бесконечное количество врагов, но приобрел и верного друга в лице архиепископа Финляндского Антония (Вадковского).

Когда в 1899 г. архиепископ Антоний получил кафедру митрополита Петербургского и Ладожского, Антонина перевели в Петербург, он был возведен в сан архимандрита и получил важный пост — старшего цензора Петербургского Духовного Цензурного Управления.

Тут оказалось, что Антонин все эти годы занимался не только дрессировкой медведя: в 1902 г. вышла в свет его магистерская диссертация « Книга пророка Варуха. Репродукция ». Санкт-Петербург, 1902 г. Эта работа, представленная и блестяще защищенная отцом Антонином в качестве магистерской диссертации на заседании Киевской Духовной Академии 18 декабря 1902 г., выходила далеко за пределы обычных диссертаций. Это труд, почти не имеющий себе равных в русской экзегетике. Как известно, книга пророка Варуха дошла до нас только в греческом переводе. Отец Антонин Грановский задался целью восстановить неизвестный нам еврейский пратекст. Для этого он воспользовался эфиопским, двумя сирскими, древне-армянским текстами. Проанализировав почти каждую фразу в этих текстах, произведя тщательный этимологический и синтаксический анализ, исследователь находит целый ряд гебраизмов : по-эфиопски, мол, так сказать нельзя, по-эфиопски — это звучало бы вот как, это явный перефраз с еврейского. Причем каждое такое замечание подтверждено многочисленными примерами из эфиопской, древне-сирской и армянской литературы. В результате сличения текстов появляется древнееврейский текст в конце книги, где книга пророка Варуха приведена целиком на древнееврейском языке. Интересен отзыв знаменитого гебраиста Хвольсона : « Прямо не верится, что этот текст составлен русским иеромонахом в XX веке, а не иудеем, жившим 25 веков назад. Ни одной погрешности, стиль и колорит древнееврейского языка соблюдены блестяще ».

28 февраля 1903 г. в Свято-Троицком соборе Александро-Невской лавры была совершена хиротония архимандрита Антонина во епископа Нарвского, третьего vicария Петербургской епархии. Хиротонию совершали митрополиты Антоний Петербургский, Владимир Московский, а также епископы Владикавказский Владимир, Таврический Николай, Саратовский Иоанн, Тамбовский (будущий Экзарх Грузии) Иннокентий и епископ Ямбургский (будущий Святейший Патриарх Московский и всея Руси) Сергей.

Еще будучи архимандритом, преосвященный Антонин принимал активное участие (наряду с епископом Сергием) в работе Религиозно-философского Общества. Он уже тогда имел репутацию отчаянного либерала. В качестве цензора пропускал самую крамольную литературу, поддерживал связь с либеральной интеллигенцией.

В 1905 г. епископ Антонин служил в Казанском соборе панихиду по жертвам 9-го января; летом 1905 г. опубликовал статью, в которой говорится о дьявольском происхождении самодержавия. А после манифеста 19 октября перестал почитать Николая II самодержавнейшим. В результате с 1906 г. епископ увольняется на покой и проживает со своим медведем в Троице-Сергиевой пустыни под Петербургом. Причем по общему мнению епископ легко отделался благодаря заступничеству митрополита Антония. Что касается обер-прокурора Саблера, то он только разводил руками и острил: « Из пророка Варуха вышла заваруха ».

В 1912 г. епископ Антонин на короткое время появился на Владикавказской кафедре; однако через три года и отсюда уволился на покой в Московский Богоявленский монастырь, здесь его и застала революция. Проживая в Богоявленском монастыре (это в Китай-городе), напротив того места, где сейчас станция метро « Площадь Революции », он служил в Заиконоспасском монастыре (через дорогу) — против ГУМа (известного в Москве универсального магазина).

Здесь он начал свою глубокую литургическую реформу. В 1922 г., после церковного переворота, стал во главе Высшего Церковного Управления в сане митрополита Московского. Однако летом 1923 года откололся от обновленцев, сложил с себя звание митрополита и в звании епископа возглавлял основанный им Союз Церковного Возрождения до самой своей смерти от рака мочевого пузыря 14 января 1927 года.

Бывают люди, которые настолько опережают свое время, что так и сходят в могилу, никем не понятые, никем не оцененные. Д.С.Мережковский сказал от имени таких людей:

Дерзновенны наши речи,

Но на смерть осуждены

Слишком ранние предтечи

Слишком медленной весны.

К таким людям принадлежал и епископ Антонин Грановский. В чем своеобразие этого необычного, несчастного, одаренного человека ?

Прежде всего, он с негодованием отверг обновленческую грязь и клеймил позором таких людей, как Красницкий, жестоко бичевал «Сашку Введенского» (как он его не очень почитательно называл) за трусость, за приспособленчество, за личную разгульную жизнь. Обновление церкви надо делать чистыми руками. « Себя прежде обновить надо», — бросил он однажды прямо в лицо Введенскому.

Поэтому епископ Антонин был сторонником монашества и строгого аскетизма. Всякую хулу на идею монашества он провозгласил хулой на Пречистую Матерь Божию, Предтечу и преподобных отцов и матерей.

В то же время, будучи убежденным сторонником христианского социализма, братства людей и уничтожения власти богатых, он энергично протестовал в обращениях на имя правительства против гонений на церковь в выражениях столь резких, каких советское правительство никогда (ни до, ни после Антонина) еще ни от кого не слышало. Мы даже стесняемся здесь их процитировать и отсылаем читателя к нашему 1-му. тому, напечатанному в « Новом Журнале », где приведен текст его заявления во ВЦИК (во всяком случае это не для дамских ушей).

В то же время епископ провел (по собственному почину) литургическую реформу. Он стал совершать литургию (как сейчас в католических храмах) посреди храма. Литургию он перевел на русский язык и дополнил ее некоторыми трогательными моментами из древних (коптской и сирской) литургий. Все тайные молитвы он читал вслух. Он ввел общенародное пение, которое должно было заменить наемные хоры. Владыка Антонин провел каноническую реформу, отменив все награды для духовенства : камилавки, набедренники, палицы. Он восстановил древний апостольский обычай выборов епископа и свел к минимуму внешний этикет : отменил ношение митры и саккоса, оставил только отличия епископского сана, имеющие мистическое значение : омофор, панагию и посох.

В то же время, следует сказать, епископ не навязывал никому нового обряда, а лишь настаивал на праве его на существование.

Когда он стоял во главе обновленчества, то обычно по воскресениям служил литургию в Храме Христа Спасителя, с большим торжеством, по старому традиционному архиерейскому обычаю, а по четвергам служил в Заиконоспасском монастыре (по-новому). Строгий аскет, он жил совершенным бесребренником : имел только одну рясу и связку книг. Его монашеская келья была открыта всегда, для всех. И в то же время он не делал никаких уступок в принципиальных вопросах и не постеснялся открыто, во время литургии, бросить в лицо обер-агенту ГПУ Красницкому: «Нет Христа между нами ! » И не допустил его к Святой Чаше. Аббат (впоследствии епископ) д'Ербиньи совершенно не понял епископа Антонина и нарисовал в своей книге о поездке в Россию карикатурный его портрет; но другой гость с Запада, немецкий пастор, сказал об Антонине : « Я приехал посмотреть нового Лютера, а увидел нового апостола Павла ».

Придя к обновленчеству, я проникся антониновскими идеями и всегда говорил об этом Введенскому, к его немалому раздражению. Но все это я понял позже, а тогда, в 20-е годы, я просто интересовался слухами об экстравагантном епископе. У нас, в Питере, к Союзу Церковного Возрождения принадлежал (с 1924 г. по 1926 г.) Преображенский собор на Литейном. Но крохотная община не могла содержать огромного здания. Собор был вскоре передан

староцерковникам. А приверженцы Антонина собирались на Загородном проспекте, в частном помещении, в полуподвальном этаже, где по вечерам совершалась молодым священником, отцом Львом Бунаковым, литургия по антониновскому чину...

Существовала в Питере в эти годы также группа « Живая Церковь », руководимая печально знаменитым В. Д. Красницким.

Владимир Димитриевич Красницкий, так же, как и епископ Антонин, — знаменательная фигура. Он тоже оказался предтечей — предтечей того беспринципного, торгашеского, приспособленческого течения, которое господствует сейчас в нашей многострадальной Русской Православной Церкви. Красницкий — одно из самых зловещих имен в послереволюционной истории русской церкви. И так странно получилось: именно носитель этого имени был со мною на редкость ласков и даже нежен. Так и слышатся мне сейчас его слова : « Толя, почему ты не идешь в алтарь ? »

Это был первый священник, который ввел меня 9-и лет в алтарь и дал мне стихарь : у Красницкого я однажды исповедовался. Исповедь происходила после предпричастного стиха, у жертвенника, в Князь-Владимирском соборе, весной 1925 года; отец Владимир сказал: «Сейчас, когда ты еще невинный стоишь в алтаре, молись Богу, о чем хочешь, Господь исполнит все ». В алтаре мы были только вдвоем, на престоле стояла Святая Чаша, в красном озарении смотрел написанный на стекле (образ этот цел и сейчас) Христос.

Это были в жизни отца Владимира дни тихие, когда его преследовали неудачи, а карьера шла ко дну.

О нем также много мне приходилось писать, писал я, конечно, в отрицательном плане. Мой друг, Вадим Шавров, как-то привез эти написанные мною страницы в Питер, на Васильевский остров, и прочел их Поле. Поля укоризненно сказала : « Когда-то мы с Толей к нему ходили, а теперь он его поливает ». Что делать, говорить правду — тяжелая ноша.

Владимир Димитриевич Красницкий родился в 1880 г., на Украине, и на всю жизнь у него сохранилась типичная для украинца певучая интонация. Он окончил Петербургскую Духовную академию, где учился вместе с будущим митрополитом Вениамином Федченко (известным эмигрантским деятелем), который в своих мемуарах говорит о веселом студенте Володе Красницком. По окончании академии и женитьбе получил место третьего священника в Князь-Владимирском соборе (на Петроградской стороне, у Тучкова моста).

Еще студентом Красницкий был активным деятелем Союза русского народа. Это был черносотенец чистейшей воды: в своей кандидатской работе о социализме он называет социализм еврейской уловкой, а на одном из собраний Петербургского Отделения Союза русского народа он произнес речь, в которой доказывал, что евреи употребляют в мацу христианскую кровь. В соответствии со своими установками, он летом 1917 года, будучи редактором «Петроградских Епархиальных Ведомостей», призывая к продолжению войны до победного конца, заявлял в передовой статье, что « большевиков надо утопить в их собственной крови» (эту фразу ему напомнил на процессе митрополита Вениамина защитник митрополита Гурович). Ловкий карьерист, он, видимо, входил в милость к вновь избранному митрополиту Петроградскому; во всяком случае, его имя фигурирует среди петроградских делегатов, приехавших в 1918 году к Патриарху Тихону в Москву, чтобы

просить о присвоении митрополиту древнего почетного титула «Священноархимандрит Свято-Троицкия-Александро-Невския Лавры». (См. «Церковные Ведомости» за 1918 г.).

Во время гражданской войны Красницкий временно отошел в тень : в это время он совмещал священнослужение с работой в качестве бухгалтера в одном из учреждений на Петроградской стороне. Его имя всплывает в 1921 г. в связи с дискуссией об изъятии церковных ценностей и с голодом в Поволжье. Его фамилия стоит рядом с фамилиями А.И. Введенского и А.И. Боярского под знаменитым воззванием петроградской группы духовенства с призывом отдать церковные ценности голодающим, появившимся в « Петроградской Правде » весной 1922 года. Сам А.И. Введенский, однако, отнесся к своему новому другу решительно без всякого энтузиазма: « Хотел бы я знать, — говорил он потом, — откуда взялся этот тип. Никогда ни в одной обновленческой группировке не участвовал, ни с кем из нас никакого дела не имел. И вдруг появляется на каком-то нашем совещании. Он, видите ли, что-то там делает и что-то там тоже подготавливает».

Как бы то ни было, в майском церковном перевороте 1922 года отцу Владимиру принадлежит доминирующая роль. Он входит в состав делегации, пропущенной к заключенному Патриарху на Троицкое Подворье и добивавшейся от него отречения (в состав делегации входили священники : А. Введенский, В. Красницкий, З. Белков, А. Калиновский и диакон Скобелев); он не только занимает в образовавшемся Высшем Церковном Управлении (наряду с Введенским) пост заместителя председателя ВЦУ, но на короткое время становится форменным церковным диктатором.

Он организует церковную партию «Живая Церковь», которая, по замыслу ее организаторов, должна была быть в таком же отношении к ВЦУ, в каком коммунистическая партия находится по отношению к ВЦИКу. Блестящий администратор, он в короткий срок создает огромную, широко разветвленную организацию, которая действует на всей территории СССР. (Подробно его деятельность в это время освещена в нашей с В.М. Шавровым работе).

Оригинальной чертой В.Д. Красницкого был его ни с чем не сравнимый цинизм : он не только не скрывал того, что является эмиссаром ГПУ, но всячески бравировал этой ролью. «Выслать за контрреволюционную деятельность за пределы епархии », « просить гражданские власти принять меры против контрреволюционной агитации», — эти слова буквально не сходили с уст предприимчивого батюшки. В короткий срок имя его стало наиболее одиозным из имен вождей Живой Церкви. Более того, самый термин « Живая Церковь » стал одиозным, потому что он ассоциировался с именем Красницкого. Особенно скандальным было его выступление на процессе митрополита Вениамина в Петрограде, в июле 1922 года, в качестве свидетеля, где (по словам Гуровича) «каждое слово его накидывало петлю на кого-нибудь из обвиняемых ». После того, как митрополита приговорили к расстрелу, Красницкий обесмертил себя неслыханным по цинизму документом : он обратился от имени ВЦУ во ВЦИК с просьбой отсрочить приведение в исполнение смертного приговора, чтоб успеть лишить приговоренных к смерти священного сана. Все содрогнулись от отвращения и ужаса, и все в страхе молчали. Все, кроме одного. Епископ Антонин смело выступил против «нового Иуды », бросил ему в лицо во время литургии в Страстном монастыре : «Нет Христа между нами!» — и отказал в причастии.

Красницкий и здесь потребовал « высылки митрополита за контрреволюционную деятельность в 24 часа из епархии », но коса нашла на камень. ГПУ ему ответило на этот раз отказом : Антонину покровительствовал его старый друг П.Г. Смидович (заместитель председателя ВЦИК) и «сам» Калинин. Красницкий попытался назначать в Московские приходы священников помимо Антонина. Но и здесь осечка. Антонин, обладавший, несмотря на возраст и болезни, огромной физической силой, приходил в церковь и выбрасывал из алтаря за шиворот рясофорных агентов ГПУ.

Красницкий называл его «буйнопомешанным», но принужден был смириться и лишь летом 1923 года наконец отделался от Антонина; ВЦУ решило освободить его от всех занимаемых им постов. Однако в это время произошло неожиданное освобождение из заключения Патриарха. В течение нескольких дней — вся церковь у ног Патриарха Тихона. Живая Церковь развалилась. Тучков, однако, решил спасти положение — реорганизовать обновленчество. Организуется обновленческий Священный Синод. От наиболее скандальных фигур решено отделаться, и в первую очередь — от отца Владимира Красницкого.

« Мавр сделал свое дело, мавр может уходить ». Красницкий вновь появился в Питере и возвратился в первоначальное состояние священника Князь-Владимирского собора. Но он все еще не сдавался : у него остались сторонники среди питерских священников, у него сохранились связи с Тучковым. И в 1924 г. он выкидывает сногшибательный фортель : заявляет о своем примирении с Патриархом Тихоном. Патриарх его принял в общение и в принципе благословил его вхождение в будущий Патриарший Синод.

Но слишком велико было возмущение верующих против Красницкого. Слишком одиозно его имя. Патриарх через несколько месяцев аннулировал свою резолюцию. Красницкий снова вернулся в Питер, погрузился в неизвестность, на этот раз уже навсегда.

В эти годы, однако, существовала в Питере самостоятельная группа «Живая Церковь », руководимая Красницким. Сам Красницкий служил в своей старой «вотчине» — Князь-Владимирском соборе. Огромный собор пустовал: количество прихожан никогда не превышало сотню человек. Между тем, собор нуждался в ремонте, крыша протекала, с правой стороны карниз обваливался. Красницкий свел к минимуму расходы, служил один, без диакона; приспособил для богослужений пономарку. В соборе служба была только по праздникам. Ничего не помогало : денег на ремонт не хватало. Однако каждое воскресенье и вторник в пономарке расставлялись скамейки. На солее также ставился столик. Красницкий проводил беседы. Говорил он гладко, очень спокойно; темы бесед всегда были интересны : доказательства бытия Божия, догматическое богословие. После беседы можно было задавать вопросы.

Вскоре (осенью 1926 г.) выяснилось, что служить в соборе более невозможно. Собор был закрыт, а вскоре перешел к староцерковникам. Власти, однако, не забыли своего старого фаворита : ему была предоставлена небольшая церковь св. Иоанна Милостивого (бывшая церковь при богадельне) в Геслеровском переулке. Там он и служил до самого ее закрытия в 1932 году.

Главным источником дохода для группы « Живая Церковь » и для Красницкого была Спасская часовня. Расположенная в самом бойком месте города, на Невском проспекте (посредине, между Гостиным Двором и бывшей Городской Думой, в 20-е годы — центральной железнодорожной городской станцией), часовня посещалась бесчисленным количеством людей : всякий верующий

всегда забегал в часовню — поставить свечку, помянуть родных, а иногда и заказать молебен, очень мало интересуясь тем, к какому церковному течению она принадлежит. Часовня считалась подворьем Спасской Пустыни (Курской губернии) и обслуживалась четырьмя монахами: иеромонахом Паисием, старичком-иеродиаконом и двумя престарелыми иноками. К « Живой Церкви » они присоединились только для того, чтобы избежать закрытия часовни. Половина дохода шла отцу Красницкому.

Кроме того, группе «Живая Церковь» принадлежала церковь Серафимовского кладбища в Новой Деревне. Это было золотое дно. Когда надо отпевать покойника или служить панихиду на могиле родителей, уж совсем никому нет дела до церковных течений. На Серафимовском кладбище служил старичок-архиепископ Иоанн Альбинский (старый друг Красницкого) и еще двое священников.

30-е годы нанесли, однако, серьезный удар по группе «Живая Церковь». Весной 1932 г. одновременно были закрыты Спасская часовня и церковь Иоанна Милостивого. Архиепископ Иоанн присоединился в 1933 г. к обновленцам. Красницкий остался совершенно один, в кладбищенском храме. Целые дни сидел он с книгой в руках около храма, в ожидании панихид. В это время был арестован его единственный сын — техник на заводе им. Кулакова — за какие-то производственные неполадки. В 1935 г. бывший церковный диктатор поехал в Москву хлопотать о сыне.

Это была его последняя поездка. Весной 1936 года, во время эпидемии гриппа, забытый всеми, Красницкий скончался. Как говорят, перед смертью, причастившись, он молился об умирении и соединении русской церкви.

В 1959 г. я посетил на Серафимовском кладбище его могилу. Он похоронен около входа в церковь. Рядом с ним похоронена его верная прихожанка Елизавета (Лиза), оставшаяся верной своему пастырю до самой его смерти. На могиле сохранилась надпись: «Протопресвитеру Владимиру Димитриевичу Красницкому — стойкому борцу за дело Христа Спасителя ».

Второй раз я посетил Серафимовское кладбище в августе 1974 года, перед отъездом из России. Я пришел туда, чтоб проститься с моим верным другом детства Полей (Пелагеей Афанасьевной Погожевой), которая покоится там с 25 мая 1967 года. По пути я зашел на могилу отца Владимира. Прежней надписи уже нет. Написано просто: « Свящ. Владимир Красницкий ». Но зато разросся по всей могиле огромный куст белых роз.

И я невольно вспомнил Тургенева. Цветы на могиле Базарова. И заключительные слова чудесного тургеневского романа: « О вечном покое, о вечном примирении говорят они », эти розы.

И еще одно имя хочется мне вспомнить здесь. В мое время, в 20-е годы, весь рабочий Питер ходуном ходил от одного имени — имени « братца » Ивана Чурикова. О нем ничего не знала богоискательская интеллигенция, увлекавшаяся Булгаковым и Бердяевым, Андреем Белым и Блоком, Мережковским и Вячеславом Ивановым. Его имя без скрежета зубового не могли произносить кондовые церковники. Зато в рабочих кварталах, среди простого люда, у питерских кухарок и прачек, сапожников и дворников, это имя было окружено любовью, лаской, глубоким почитанием.

И даже эпитет « братец Иванушка » звучал как самое интимное, родное, близкое.

И сейчас еще в Питере его, мученика, расстрелянного в 1930 году в подвалах на Гороховой, знают, любят, помнят.

Скажем о нем несколько слов, прежде чем остановиться на «чуриковщине». Иван Алексеевич Чуриков, небогатый купец из города Самары, глубоко религиозный православный человек, был потрясен картиной поголовного пьянства, разврата, нужды, которые царили в приволжском городе. И, почувствовав призвание Божие, начал он проповедовать Слово Божие, насаждать в народе трезвость. Он имел особый благодатный дар, непостижимый и несомненный, исцелять закоренелых пьяниц. Я сам видел десятки пьяниц, которые на всю жизнь переставали пить после получасового разговора с « братцем ». И хотя Иван Алексеевич был православным христианином и ни в чем не отступал ни от догматов, ни от канонов, ни от обрядов и обычаев православной церкви, его деятельность привлекла недоброжелательное внимание консистории и епископа Самарского Гурия, человека не злого, но раздражительного и экспансивного. Консистория вынесла постановление — за « восхищение мирянином Чуриковым учительства » сослать его в Суздальский Спасо-Евфимьевский монастырь на покаяние. Преосвященный Гурий, раздраженный независимостью Чурикова, утвердил это постановление, в чем потом каялся, — и вот, братец Иванушка попадает в тюрьму-монастырь, в Суздаль. Но через год им заинтересовалась Великая Княгиня Елизавета Федоровна, и братец Иванушка, освобожденный из заключения, перенес свою деятельность в Петербург. Митрополит Антоний Вадковский и протоиерей Дмитрий Боголюбов помогли ему в его благородном деле.

Обстоятельства переменились, когда в 1912 г., после смерти митрополита Антония, Петербургскую кафедру занял митрополит Владимир, суровый, косный, узко консервативный. Он был человеком лично честным, играл благородную роль в дни войны, противодействуя Распутину, и тоже погиб мученической смертью в 1918 г. в Киеве, — но из песни слова не выкинешь — по отношению к Чурикову он был очень несправедлив : запретив без всяких оснований дальнейшую проповедь Чурикова, он отлучил его и всех его последователей от церкви.

Эта несправедливая расправа еще больше сплотила чуриковцев, проповедь Ивана Алексеевича с призывами к обновлению жизни стала более решительной, более вдохновенной, более последовательной. И вот, возникает в Питере великое социальное движение. Несколько десятков человек, сложив свои трудовые деньги, покупают в Вырице, под Питером, участок земли — возникает религиозная коммуна.

Собственно говоря, подобные попытки делались и раньше. В 80-х годах такую общину организовал Николай Неплюев. Однако Неплюев все-таки оставался барином, очень благородным, опростившимся, но все-таки барином, поэтому его начинание так и не вышло за пределы господской филантропии. Такая же неудача постигла и подобные попытки толстовцев, сектантов типа Сютаева и других.

Но то, что не удалось мечтательным барам и народным мечтателям, дало блестящие результаты у православного самарского мужичка. Прежде всего, ему удалось создать крепкое хозяйство. В 1916 г. община приобрела трактор (дело

совершенно неслыханное в те времена), а в 1921 г. в Вырице, в суровом питерском климате, в парниках выращивали виноград. И все это на началах полной добровольности, в обстановке огромного религиозно-нравственного подъема, полной трезвости и чистоты. Все здесь было общее, никто ничего не называл своим. Коммуна разрасталась. В 1927 г. она уже насчитывала несколько сот человек, а в Питере у движения « трезвенников » насчитывалось 14 отделений и « чуриковщиной » было охвачено более 10 тысяч человек.

Вырица называлась « Небесным Иерусалимом », и каждый год, на Вознесение, туда собирались тысячи людей. И.А. Чуриков, в белой рубашке, становился за соху — трактор в этот день бездействовал — и делал первую полосу, при этом он запевал сильным голосом песню о винограде Божиим, который созревает для жатвы. Тысячи голосов подхватывали эту песню. Так начинались в «Небесном Иерусалиме» полевые работы. Этот день был символическим: для Чурикова работа была теургией, а теургия переходила в работу над переделкой мира.

Чуриков рассматривал будущее мира как братское общественное дело — как « Христов социализм ». Свою социальную программу он изложил в своей проповеди в Вербное Воскресение, в 1927 г., на окраине Васильевского острова.

Его приверженцы собрались в тесном деревянном домике, недалеко от Галерной Гавани, — народу было столько, что нечем было дышать. Иван Алексеевич в своей обычной белой рубашке сидел в « красном углу », под иконами. После пения тропаря « Общее воскресение прежде Твоя страсти уверяя » начал свою речь « братец Иван ». Говорил он приятным баритоном, отчеканивая слова, с характерным волжским оканьем. Начал с критики традиционного религиозного миропонимания, которое рассматривает Бога сидящим в мягких креслах; а Бог живет в душах трудящихся людей, Бог среди бедняков и обездоленных.

Какая-то непонятная волна прошла по народу, слышались рыдания, а проповедник все продолжал говорить о Боге, о Христе. Друге нищих и грешников, Который идет страдать за людей и Который находится тут, среди нас. А потом он затянул чудный церковный гимн на слова пророка Исайи : « С нами Бог ! » После этого Чуриков стал говорить о том времени, когда вся Россия покроется религиозными трудовыми братствами, подобными вырицкому, когда исчезнет пьяный разгул, а вместе с ним ненависть и жадность. « Вот мы восходим в новый Христов социализм, как в Иерусалим, — гремел над людьми сильный вдохновенный голос, — в Иерусалим, куда нет входа убийцам, развратникам, насильникам...»

На всю жизнь запомнился мне этот вечер. И не случайно я вспомнил его здесь, сразу после обновленцев. Иногда мне кажется, что именно «братец » Иван Чуриков был представителем подлинного народного религиозного обновления. И что с того, что он ошибся, что вместо «Христов социализма » пришла волна террора, произвола, насилия, — и сам Иван Чуриков в 1930 г. был расстрелян, и погибли его ближайшие сподвижники, и Вырицкая коммуна была разгромлена, объявленная «кулацкой лжекоммуной».

В основном он все-таки не ошибся : нравственное обновление и истинный Христов социализм — будущее человечества.

Я рассказал очень подробно об обновленческом течении во всех его многообразных проявлениях, которые я наблюдал, я изобразил самых различных представителей обновленческого движения (от престарелого митрополита Вениамина Муратовского до Ивана Чурикова). Я никого не идеализирую, я никого не стараюсь охаять. Однако нельзя не задать вопрос : каковы исторические корни этого движения.

Совершенно не верно будет ответить, что это движение состояло исключительно из агентов ГПУ и было инспирировано этим малопочтенным учреждением. Наивность такого объяснения видна хотя бы из того, что обновленческие течения существовали в России не только до существования ГПУ, но и тогда, когда ни о какой революции еще и помину не было. Уже в 60-е годы прошлого века возникают параллельно, и в духовенстве, и в народе, течения, стремящиеся к обновлению церкви. Именно Ф. М. Достоевский бросает крылатую фразу: «паралич церкви». Не кто иной, как В.С. Соловьев, пишет статью «Как обновить наши церковные силы» и другую статью, где ратует за обновление, за освобождение от средневековых подделок. Булгаков, Бердяев, Мережковский, Эри, В. Иванов — для всех них главной заботой было обновление церкви. В начале века на церковном горизонте появляются такие яркие фигуры борцов за обновление, как отец Григорий Петров, архимандрит (впоследствии старообрядческий епископ) Михаил Семенов, епископ Антонин Грановский.

И сектантское движение, широким морем разлившееся по всему лицу Земли Русской в XIX — XX веках, говорило о пробуждении в народе жажды религиозной правды, религиозного обновления. В 20-е годы, в революционную эпоху, эта обновленческая волна поднялась особо высоко и была во всех отношениях многообещающим движением. Но и здесь, как и всюду, русская революция споткнулась о проклятый порог — о гнусное, деспотическое советское государство. И оно, как всё и всегда, опоганило, опаскудило это движение : развратило и запугало его лидеров, а затем физически уничтожило всех искренних людей. Это же пытались оно сделать и с сектантством. Но здесь дело оказалось значительно более сложным.

20-е годы — годы сектантского расцвета. В это время власти с сектантами заигрывали и лишь в 30-е годы начали планомерную борьбу с ними. Сектантство я знаю мало, т. к. всегда был убежденным церковником. Однако кое-что мне все-таки известно. Постараюсь рассказать о питерском сектантстве 20-х годов то немного, что мне известно.

В Питере в это время действовали следующие секты: баптисты, возглавлявшиеся Гурием Павловым; Союз евангельских христиан, возглавлявшийся Житковым и Прохановым; адвентисты седьмого дня. На окраине Васильевского острова, на деревянном двухэтажном доме, была дощечка с надписью: « Церковь святого Иисуса » — это была единственная в России община русских методистов. Где-то в подполье, на Охте, существовал скопческий « корабль », о котором носились смутные слухи, и о котором потом Ленинград узнал по судебному процессу 1928-го года. Наиболее популярные секты — баптисты и евангельские христиане. Они росли в геометрической прогрессии, причем большинство присоединившихся были отщепенцами от православия (в этом — коренное различие между тогдашним и теперешним сектантством; теперь большинство сектантских неопитов приходит от безбожия). В то время между церковью и сектами была резкая полемика, переходившая порой в жгучую ненависть.

Сектанты собирались, как правило, в « кирхах » — немецких лютеранских церквах, которых было в Питере очень много. У нас, на Васильевском острове, на Среднем проспекте, до сих пор высится величественное здание лютеранской церкви св. Михаила, единственное в Питере здание готической архитектуры. Теперь там какая-то фабрика. В то время там по субботам собирались « адвентисты 7-го дня », по воскресеньям, вечером, — баптисты. По четвергам — Союз евангельских христиан. «Хозяева» — лютеране — оставили себе только воскресное утро, когда совершалась протестантская обедня.

В субботу мы часто заходили с отцом (во время служения адвентистов). Много бывало среди них молодежи : молодые рабочие, ремесленники. Очень трогательна была заключительная импровизированная молитва, когда каждый обращался вслух к Христу : «Наш дорогой Иисус Христос !» И дальше излагал своими словами прошение. Хотя я к сектантам относился враждебно, но против воли чувствовал себя растроганным. Отец рассказывал потом насмешливо: «Я ожидал, что вот-вот они скажут : Дорогой Иисус Осипович ! » Но лгал : я видел во время этой молитвы у него на глазах слезы.

Собрания баптистов и евангельских христиан отличались большей помпезностью — тут и речи профессиональных проповедников, и орган, и хор. Наибольшее впечатление на меня произвела проповедь руководителя «Союза евангельских христиан » И.С. Проханова. Воспоминанием о ней я и закончу свой безыскусственный рассказ о религиозной жизни Питера в 20-е годы. Прежде всего о Проханове.

Это был талантливый и своеобразный человек. Окончил в свое время Петербургский Технологический Институт. В молодости «ходил по верам». Имел беседу и с Л.Н. Толстым, и с В.С. Соловьевым. В конце концов (в начале века) стал евангельским христианином (русский вариант баптизма, впоследствии вновь объединившийся с классическим баптизмом). Подвергаясь в царское время репрессиям, проявил необыкновенное мужество и стойкость. После революции возглавлял Союз евангельских христиан.

Я услышал его проповедь в следующих обстоятельствах. На Васильевском острове, наряду с лютеранской церковью св. Михаила, о которой шла речь выше, была еще одна «кирха» — св. Екатерины (угол Большого проспекта и 1-ой линии). Весной 1927 г., проходя мимо этого храма, я увидел необыкновенное скопление народа, который валил в широко раскрытые двери храма. Огромная афиша извещала, что по случаю выпуска окончивших курсы проповедников евангельских христиан И.С. Проханов предложит проповедь на тему : «Школа на волнах океана». Заинтригованный необычным названием, я проник в храм и протискался к самой кафедре. На трибуне стоял широкоплечий мужчина с бородой, с суровым умным лицом. Проповедь уже началась. Она продолжалась два часа. Я ее прослушал с напряженным вниманием, и она мне запомнилась на всю жизнь. Речь шла о книге пророка Ионы. Спокойно, без всяких ораторских украшений, Иван Степанович анализировал содержание книги. Очень ярко он изобразил колебания Ионы, его отказ служить Богу. Он знает, что это грех: когда корабельщик ищет, кто именно грешен перед Богом, почему разразилась буря, Иона сразу отвечает : « Выбросьте меня и буря прекратится ». Перейдя к актуальной теме, оратор привел примеры из жизни. Он говорил о человеке, который поступил на курсы проповедников, а потом женился — ушел с курсов. «Вот вам Иона! » Он говорил о человеке, которого исключили из профсоюза за принадлежность к секте, и он испугался, перестал ходить в собрание. «Вот вам еще Иона ! И много, много среди нас Ион ». А

затем Иона попадает в чрево китово. И здесь — самый сильный момент проповеди. Проповедник удивительно ярко изобразил переживания Ионы во чреве китове : отчаяние, ужас, и наконец — молитва. Такая молитва, которой никогда он еще не молился; молитва обновляющая, совершающая чудеса. И после этой молитвы Иона обновился : все человеческое, пошлое, мелкое с него сошло, И когда произошло чудо, он стал так проповедовать, как никто и никогда. И по этой проповеди уверовали тысячи человек. И заключение: « Вот мы вас выпускаем, вы прошли школу.

Вы думаете, вы проповедники ? Нет, когда вы побываете во чреве китове, когда пройдете школу на волнах океана, вот тогда вы станете проповедниками».

Эти слова мне врезались на всю жизнь. Их правду я ощущаю и теперь. Они оказались в полной мере пророческими. Все новоиспеченные проповедники побывали во «чреве китове», в тюрьмах и лагерях. Предстояло пройти эту школу и мне, тогда 12-летнему мальчишке, любопытному, говорливому, грубому и жестокому по отношению к бабушке и трусливому перед отцом. И тогда меня поразили эти слова и запомнились на всю жизнь. Царство небесное Ивану Степановичу Проханову, скончавшемуся в 1933 г. в Праге, в изгнании.